

УДК 316.6

ТЕОЛОГИЯ НЕВРОЗА

Романов Андрей Владимирович,

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета.

Аннотация

Развивается психоаналитическая концепция возникновения и воспроизводства религии и религиозных представлений, актуальные аспекты применения психоаналитических категорий фрустрации, невроза, а также отчуждения и адаптации.

Ключевые слова:

религия, невроз, отчуждение, фрустрация, адаптация.

«Кто бы знал, из какого сора растут» религиозные образы, «не ведая стыда». Как говорит Вениамин Смехов: «Главное качество советского человека – это невроз». Дискурс религиозности и богословия невроза определен исследованиями З. Фрейда. Представителями психоанализа – наряду со Шлейермахером, Фейербахом, Марксом, Дюркгеймом, Юнгом, Тиллихом, Маслоу – отрицается специфическое «религиозное чувство», «опыт», право религии на собственное основание и предмет.

В работе «Будущее одной иллюзии» Фрейд отмечает, что по мере социализации, приобщения к культуре, взросления и формирования сферы суперэго, индивид неизбежно проходит стадию невроза (которая характеризует и «детство» самого человечества). Невроз возникает как следствие репрессирования тех влечений, которые не могут быть удовлетворены. Защищаясь от чувств зависимости и тревоги, связанными с образами враждебного внешнего мира (и проявлениями собственного бессознательного), человек стремится антропоморфизировать природу по образу своему и подобию. Силы природы в его восприя-

тии трансформируются в образы всемогущих богов.

Согласно классическому постулату Фрейда, религию «можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом» [5, с. 131]. Невротичность оснований религии есть проекция faith-веры. Это религиозность, которая не ограничивается рамками культуры и несводима к сфере интеллекта, она не опирается ни на авторитет, ни на Писание, ни на традицию.

Но подобные невротические комплексы коренятся не только в амбивалентности детского и общечеловеческого Эдипова комплекса («kill your father – fuck your mother») – более сомнительного и метафизического, когда суррогатом отца может быть образ как лошади (сюжет о «маленьком Гансе»), так и Бога, но эти комплексы коренятся и в основаниях более очевидных – неудовлетворенности потребностей.

В проекции религиозности закона религия также есть основа подавления «инстинктов», фрустрации потребностей. Тем самым она формирует неврозы, агрессию, патологические тенденции в целом. «Фрустрированность», «не-

Антропология

вроз», «отчуждение», «чувство вины» «комплекс греховности», «неосуществленность значимого», «состояние зависимости», «стремление к ценностям» – понятия, пересекающиеся по смыслу, с разных сторон фиксирующие одно и то же ментальное состояние. Еще апостол Павел в «Посланиях к евреям» замечает: не имея «постоянного града», человек ищет будущего (Евр. 13:14). И еще до него напротив восточной стены Иерусалима, на Масличной горе было сказано: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). Страдания, «слезы души христианской», сораспятие, кровь, Голгофа – все это символы фрустрации. Мы обращаемся к Богу, когда нам плохо. Как говорит один из философов современности М.М. Жванецкий: «Наш человек всегда много пил потому, что мало ел. Если он будет больше есть, он станет меньше пить».

Кризис личности и общества ведет к укреплению религии. Ее развитие есть символическая проекция углубления кризиса человека. В период кризиса одновременно и параллельно возрастает уровень алкоголизации, наркоманизации, агрессии, невротичности, психопатологии, игровой зависимости, аморализма населения и, наконец, возрастает степень религиозности. Не трудно усмотреть единый корень у этих, казалось бы, разнородных явлений – фрустрированность базовых потребностей. Именно в нем коренится «естественная религиозность человека». «Мутность», неопределенность и метафизичность религиозных терминов – один из критериев невротичности их оснований.

Навязчивый невроз, отмечается Фрейдом, – это психическая копия религии. Невроз определяется как индивидуальная религиозность. Религия – как универсальный, всеобщий для всех невроз таких навязчивых состояний, как бессилие (проявляемое в чувстве страха) и чувство вины (проявляемое в комплексах греховности). Первое состояние проецируется в атрибуте всемогущества Бога, через призму второго Бог предстает как Благо и Судия (нет глубокого покаяния без искреннего греха). Изучение религии невозможно без анализа биографии индивида и человечества. Не образованность, не «ум», но наличие или отсутствие детских и более поздних страхов,

трагедий, комплексов определяет наличие или отсутствие религиозности. Все мы в той или иной степени верим в духов, «бабаек», НЛЮ. Но без серьезной психической травмы сложно исходить из того, что все хорошее возможно только от Санта Николауса или от Бога.

Человек также может подпадать под власть коллективного невроза. Это проявляется в виде фанатизма, гонений на «еретиков» и «сектантов», инакомыслящих, в экстремизме «во славу Бога», в сакральных убийствах и самоубийствах.

Невротик неизбежно приходит к магии, ритуализации поведения, религии. Технология терапии невроза «секулярного» неотличима от терапии невроза религиозного. В рамках доминирования официальной, «утвержденной парткомом» религиозности происходит монополизация предмета невроза.

Так же как понятия «мазохизм», «садизм», «некрофилия» с начала середины XX века перестают быть медицинскими и психиатрическими, превращаясь в понятия культурологические, так же и «невроз» становится понятием богословским, философским.

В качестве культурного феномена религия, согласно Фрейду, проецируясь на уровне суперэго, выступает в качестве системы табу, норм, запретов. Обуздывая человека, она защищает общество (и самого человека) от его собственных влечений, которые, не удовлетворяясь, репрессируются и вытесняются в бессознательное. Религиозные ритуалы символизируют «воздержание», отречение человека от естественных и одновременно «греховных» стремлений, которые подавляются системой табу. Они вытесняются в сферу бессознательного, откуда оказывают влияние на мотивацию, поведение индивида и человеческую культуру в целом. В рамках амбивалентного отношения стремление совершить «искусительное» деяние сочетается со страхом нарушения табу.

Фрустрированность, порождаемая неудовлетворенностью потребностей, проистекает из чувства зависимости. Чувство предельной зависимости определяет опыт «*misterium tremendum*» (Р. Отто) и – через атрибут всемогущества – соответствующий образ ветхозаветного Бога Отца.

Религиозность подобна «многообразию» поведения людей на «Титанике» жизни: кто-то напивается вдрызг, кто-то предается сексу или отталкивает женщин и детей от шлюпок, кто-то лазит по ящикам в поисках чужих денег и сокровищ, кто-то молится и ждет неминуемого приобщения к Вечности. Делают все, чтобы забыться перед неминуемым погружением в бесчувственную ледяную бездну. В религиозном восприятии социальный страх превращается в божественный ужас. Повседневный опыт зависимости – в представлении о постоянстве действия всемогущего Бога Отца.

Любое состояние фрустрированности любой потребности – от зубной боли до поиска смысла – молитвенно. Насколько человек растворен в опыте бессилия, настолько осуществление значимого для него есть континуальность дара, настолько он – существо получающее и просящее.

Религиозность – удел обществ отсталых, малоэффективных, для которых характерна коррупция, неравномерность распределения материальных благ, большой процент бедняков, наименьший ВВП на душу населения. Религиозность – форма психологической защиты, помогающей справляться со стрессом и тревожностью в обществе с низким уровнем социальной стабильности и защищенности [10; 3].

Как говорит М. М. Жванецкий: «Жизнь в России – тревожное ожидание». Если весь мир движется по пути секуляризации, то Россия направляется в противоположную сторону, в «мезозойскую» эпоху церковно-колдовской «духовности» и идеологической клерикализации слишком многих сторон жизни общества.

Неврозы навязчивых состояний – это неконтролируемые образы, страхи, которые преследуют человека и не зависят от его воли. К ним относятся как «оговорки», повторяющиеся темы сновидений, ассоциативные формы забывчивости, описки, «ритуальные» действия, так и религиозные образы. И рациональное мышление подвергается влиянию навязчивых невротических состояний.

Фрейд отождествляет обсессивно-компульсивные состояния (obsession – «одер-

жимость» как следствие compulsive – «принудительности»), неврозы навязчивых состояний с религиозными ритуалами [4]. Посредством табуирования, блокирования удовлетворения прежде всего агрессивных и сексуальных влечений, репрессированные в бессознательное «греховные» стремления осуществляются в навязчивых действиях и ритуалах. Религиозные ритуалы подобны действию невротиков. Устойчивые состояния, в частности, репрессированной агрессии, обуславливают восприятие внешнего мира в качестве враждебного и «нечистого», что символически проявляется в невротически избыточной чистоплотности, в повторяющихся ритуалах омовения. Ритуалы – это повторяющиеся стереотипные действия, лишённые непосредственного смысла и неадекватные ситуации. Окружающие более способны осознать бессмысленность и неадекватность поступков невротика, но сам он не в состоянии от них избавиться. При их осуществлении он чувствует облегчение и защищенность от метафизической, невидимой, но реальной для него угрозы. Абсурдные в отношении действительного ритуальные невротические действия человек стремится обосновать, рационализировать, находя в них «разумные» основания. Поведение невротика требует «демифологизации». Оно символично: преисполнено скрытого смысла как проявления неосознанных, репрессированных мотивов и представлений. Невроз есть стремление преодолеть негативные состояния (и эмоции), определенные прежней фрустрированностью потребностей, и достичь удовлетворения. Поэтому, невротическое, ритуальное поведение действует катарсически. Оно снимает – временно – напряжение, тревоги, дает удовлетворение, чувство радости.

Обсессивность («навязчивость») состояний полагается в качестве «одержимости Богом». Бессознательность действия неврозов в детерминации человеческого поведения отождествляется с непостижимой человеческим разумом волей божией.

Религия, отмечает З. Фрейд, есть иллюзорное исполнение древнейших навязчивых желаний человечества, проецирует всеобщие желания человечества [5]. Тайна силы религиозных обра-

Антропология

зов как иллюзий кроется в силе человеческих желаний. Рациональность религиозных суждений заключается не в опоре на аргументы, а в степени проективного удовлетворения фрустрированных потребностей. Религия не является мышлением. Невротичность религиозности – обратная сторона ее аксиологичности.

Давление сверх-я определяет чувство вины, являющееся основой формирования неврозов. В силу извечного противоречия между Ид и Суперэго на уровне Я человек испытывает чувство страха и вины. Каждый человек бессознательно чувствует себя преступником («пере-ступающим» через запреты). «Бытийное» чувство вины проявляется в иудо-христианской концепции первородного греха: еще не родившись и ничего не совершив, человек изначально виновен перед Богом.

Отношение человека к Богу проецирует отношение беспомощного, инфантильного ребенка к всеильному отцу.

Величина *ultimate concern* («пределного интереса») П. Тиллиха определяется степенью неудовлетворенности, фрустрированности, невротичности потребностей. Люди, которые не принимают жизнь и не могут жить, легче воспринимают идею посмертного воздаяния. Полнота проективного, символического, компенсаторного бытия оборачивается неполноценностью жизни повседневной. Бог есть нищепановское символическое «нет» жизни. Повседневные невзгоды, неполноценность являются основанием проективно-компенсаторного эскапизма. «Нет» жизни есть «да» – трансцендентным проективным возможностям. Бог есть «клевета на «посюстороннее» (Ницше) [1], реакция на «ничто», пустоту жизни. С одной стороны, образ Ада и Рая, ангелов определен взаимным влиянием традиций, влиянием зороастрийства на иудаизм. С другой стороны, они обусловлены устойчивыми состояниями сознания. Образ Ада и Рая детерминируется кармическим установками. Как пишет мастер афористики Олег Илиеш, «у всякого светлого будущего есть своё тёмное прошлое». Для православных Пасха – праздник более значимый, чем Рождество. Рождество знаменует сакральность гуманизма, любви. Пасха – посмертного воздаяния.

Религия есть символически выраженная, спроецированная во внешний мир психология. Невроз метафизичен. Предметом его направленности является не реальная объективная ситуация или субъективное состояние, а трансцендентная проективная реальность. Основанием – невротические «трансцендентальные» структуры человека. (Концепт «невротического априоризма» развивается Фрейдом и Адлером). Невротические состояния, образы и ритуалы есть связь с трансцендентным. «Духовная жизнь» оказывается формой отношения с «духовными сущностями», т. е. связи с невротическими комплексами проективного порождениями. Проективность фрустрированного предмета отождествляется с его «духовностью». Установка, определенная выраженной фрустрированностью потребности направлена на сверхудовлетворение («гиперкомпенсацию» по Адлеру). Достигаемые сверхрезультаты осуществляются в сфере не объективной, но «субъективной». Невротическая реальность противостоит «чувственному», сенсорному восприятию. Основания религиозной метафизики невротичны. И по этому основанию религиозная метафизика отождествляется с мифологией и суевериями.

Религия проективно опредмечивает неосуществленные желания человека. Удовлетворение в ментальной сфере отождествляется с достижением целей в сфере физической. И вера в Бога выступает в качестве уверенности в константности возможности удовлетворения значимых потребностей.

Атеизм – мировоззрение более интеллектуальное и более стрессогенное, чем религия. Как отмечает один из ведущих «когнитивных религиоведов» Паскаль Бойер: «Атеизм всегда будет сложнее продавать, чем религию» [9].

Религия, отмечает Фрейдом, – это иллюзия, в рамках которой желаемое выдается за действительное. Религиозные образы отождествляются с невротическими фантазиями, галлюцинациями, бредовыми идеями. «Они не являются подытоживанием опыта или конечным результатом мысли», но есть «реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний» [5, с. 131]. Фрустрированная личность живет в сфере

фантазий, проекций, невидимой для окружающих реальности. Невротическое восприятие – это знание симулякров, того, что лишено объективного существования, «знание того, чего нет». Неврозы, порождая иллюзорные образы и реальность, мешают постигать действительность. Не только идола, но и Боги являются собственными творениями человека. Для Фрейда разрушение иллюзий посредством их рационализации является формой устранения неврозов. Человек «знает» о Боге из своего собственного «экзистенциального» опыта. Религиозные убеждения объективно безосновательны и свидетельствуют о расстройстве познавательной способности. С научной, гносеологической точки зрения ни одна религия не является истинной. Метафизический, экстрасенсорный («сверхчувственный») религиозный опыт является источником информации не о внешнем мире, а о психических, «экзистенциальных» состояниях субъекта. Религия есть не «сознательное» т. е. ложное (хотя зачастую и оно имеет место) искажение действительности, но искажение бессознательное. Религия – сказки для испуганных взрослых. «Лестница в небо» оказывается входом в универсальный для всех невротический кинотеатр.

Невротик адекватен в отношении не ситуации, а собственных устойчивых состояний психики. (Например, в состоянии голода, усталости человек ведет себя компульсивно, ориентируясь не на внешние условия, а на внутренние фрустрационные состояния). Стимулом к поведению для него служат собственные неврозы и – в его восприятии – та проективная метафизическая реальность, которая ими порождается. В своей практике З. Фрейд был удивлен неспособностью пациентов понимать однозначный для психоаналитика смысл собственных воспоминаний и сновидений. То, что было ясно для З. Фрейда, пациенты однозначно отрицали. Если мы посылаем письма в Лапландию, это не значит, что там живет Санта Клаус. Если миллионы людей постоянно дуют на холодную воду, это означает, что это не вода, а молоко и оно всегда горячее или то, что эти миллионы человек в свое время обожглись на молоке? Как подчеркивает К.Г. Юнг, метафизические суждения есть психологические

высказывания. Необходимо «признать недостоверность какой бы то ни было метафизической позиции, в том числе недостоверность всех вероисповеданий» [8]. Человек поклоняется призракам, порожденным собственным сознанием.

Никаких веских доказательств для веры в Бога не существует. Б. Рассела – атеиста – спросили, чем он станет объяснять свой атеизм при встрече с Богом. «Недостаточно доказательств, Господи, недостаточно доказательств», – ответил лорд Бертран. И не корректно говорить об «истинности» одних религий и «ложности» других. Гносеологически они все ложны.

Воздействие религиозной идеи подобно обману, манипуляции. Мишенью манипулятора является невроз. Манипулятор работает с невротической реальностью объекта воздействия, который, чем более фрустрированы его потребности, тем более «обманываться рад». Религиозная индоктринация, вербовка – без особых зазрений совести – осуществляется миссионерами в тюрьмах, армии, онкологических отделениях больниц. Как весьма «по-сектантски» формулирует евангельский Христос: «Я сделаю вас ловцами человеков» (Мтф. 4:19). На фоне длительной тотальной фрустрированности потребностей установка невротика – «получить все сразу», обрести абсолютное удовлетворение одномоментно. Что соответствует предлагаемой главной («гарантированной фирмой») услуге церкви – обрести посмертное вечное блаженство.

Так же как невротик не может являться психоаналитиком, в той же степени «верующий» может быть религиозным философом, богословом но не может – философом или психологом религии. Мы стремимся обосновать неизменные структуры собственной психики. Богословие выступает формой апологетики, рационализации неврозов. Религиозная личность тяготеет к защитам в виде репрессии и отрицания в процессе осознания оснований собственной религиозности (боится их осознать). Научный натурализм в поиске естественных оснований сверхъестественного автоматически не может не «оскорблять религиозные чувства».

Невроз есть трансцендирование за границы не только реальности, но и социальных

Антропология

норм. Невроз асоциален, он изолирует личность от общества и реального, адекватного решения жизненных проблем. Религиозные ответственность и служение обществу также носят трансцендентный характер, в реальной ситуации проявляясь в асоциальности и безответственности. Невротические состояния противостоят логике, способности к состраданию, поддержанию дружеских, любовных отношений, социальным чувствам, стремлению к жизни. Фрустрированная личность ищет и находит высшие оправдания для своего дистанцирования от решения реальных проблем – устранения коррупции в стране, противостояния тоталитаризму, адекватного воспитания собственного ребенка. Тем самым она движется по пути атрофирования «социального интереса», адаптивных – социальных, семейных – установок и навыков. Окружающие мир и люди представляются ей субстанционально виновными, являя тотальную систему, обеспечивающую фрустрацию, состояние неудовлетворенности невротика. Он постоянно обуреваем чувством обиды, «оскорбленности религиозных чувств».

Невротик делает то, что должен сделать. В период обсессивной активности он лишен выбора и ответственности, совести, чувства стыда и вины (каковые могут возникать лишь после завершения обсессии). Свои действия он рассматривает в качестве проявления фатальной необходимости, данной свыше, от Бога. Ограничения этих действий со стороны рассматриваются как святотатство. Расстаться для него со своими «убеждениями» и «истиной» – смерти подобно.

Религиозность тождественна агрессивности. Оба эти состояния проистекают из одного основания – фрустрированности потребностей. Каждая конфессия грешит эксклюзивизмом, отрицающим религиозный плюрализм. «Диалог религий» – есть диалог невротических стилей восприятия, характеризующийся нетолерантностью, амбициозностью, нетерпимостью. Окружающий мир превращается в универсальный предмет отчуждения. Реакция невротика – в интервале между сентиментальностью и агрессивной нетерпимостью. Его действия лишены сомнения, приспосабливаются уверенности. Он характеризуется

крайними формами «упертости»: ради осуществления своей фрустрированной потребности готов на все. Если он проявляет жестокость, то эта жестокость абсолютно лишена милосердия. Ради проявления своих установок он готов на любые преступления, формы асоциальности и аморализма. Он стремится удовлетворить свои потребности, снять психическое напряжение – несмотря ни на что, с риском для жизни. При этом невротик не способен идентифицировать свои действия в качестве агрессивных. Поэтому, самое изуверское преступление – в силу навязчивости его психических оснований – отождествляется с формами сакральности и нравственности.

Религия, меняя не объективную ситуацию, а отношение к ней, предстает в виде системы психологических защит. Сотворенные человеческим восприятием боги устраняют страх перед миром, неизбежностью смерти, примиряют с жестокой судьбой и проективно («иллюзорно») вознаграждают за жизненные страдания. Человеку трудно сталкиваться с этим ужасным миром без веры в Бога. Религия делает бессилие и ужас людей более переносимыми. В ней, как в детских сказках, компенсируется неосуществленность значимого: зло наказывается, добро и страдания вознаграждаются – если не при жизни, то, как гарантирует церковь, после смерти обязательно. Взрослый человек, осознающий себя беспомощным «овном» перед лицом независимых от него внешних и внутренних сил, продолжает нуждаться в защите от всемогущих богов. «Иллюзорный» образ благого и всемогущего Бога – опора и последнее утешение в жизни для многих людей. У невротических личностей защитные психологические механизмы осуществляются, зачастую, в форме магии, суеверий, религиозных ритуалов. Неудовлетворенные потребности проецируются на образ Бога. Их удовлетворение предполагается лишь в результате служения Богу. Человеческая личность находит в Боге свою целостность – через символическое обращение к собственному бессознательному. (Весенние «литургии», посвященные Дионису, высвобождают подавленную сексуальность. Церковные службы усиливают уверенность человека в «спасенности и сохранности»). Психологические защиты – удел не-

вротиков. Они порождаются невротами и формируют их. Без психологических защит, жизнь для человека представляется экзистенциально невыносимой. В религии – через изменение отношения человека к действительности – человеческие состояния беспомощности и ужаса становятся более переносимыми. Согласно Фрейду, человек стремится к религии, которая призвана утешить, дать чувство защищенности. Возможности человека настолько ограничены, что всегда остается достаточно места для сакрально-проективной компенсации недостаточного, веры в посмертную жизнь, в кармическую компенсацию фрустрированных потребностей.

Религия, определяя предмет поклонения и нормы реакции индивида, устраняет неврот дезадаптированности к внешней среде. Неадаптированность, постоянство стресса усиливает индивидуальную подверженность регрессии, возврату к формам поведения и мировосприятию, соответствующим формуле «будьте как дети». Религия выступает формой регрессии, возвращения к ранним, инфантильным формам поведения. Как пишет К. Г. Юнг: «Верующие остаются детьми, вместо того, чтобы стать как дети» [8].

Посредством вкушения просфоры и вина – в проекции фиксации оральной стадии – человек приобщается не столько к Сыну, сколько к Богу Отцу, и не столько к Отцу, сколько к Богоматери. В этом случае – вызывающие чувство «духовного» удовлетворения – процесс поглощения пищи, поцелуи, целования икон и рук священников приобретают литургический характер.

Если у индивида проблемы с самоактуализацией, то Бог для него предстает как то, что «больше, чем личность». Авторитарная зависимость воспринимается верующим как форма абсолютной свободы.

Верующий – это взрослый ребенок. В рамках невротической идеализации представление о себе характеризуется добродетельностью, богоизбранностью, святостью [7]. Невротик может создавать образ самого себя как существа «духовного», «истинно верующего», и этот образ в его представлении соответствует действительности. Такой образ, Я-концепция не просто идеализирован и не соответствует реалиям, в границах его должно выдается за действительное.

Религиозный индивид нуждается в поддержании этого образа со стороны референтной группы.

В рамках рационализации (обоснования тех внешних и внутренних устойчивых состояний, которые мы не можем изменить) утрата воспринимается в качестве обретения, основания трансцендентного изобилия, страдание как «искупительный» источник непереносимого наслаждения. Религиозность есть рационализация пребывания в бездушном мире, полном разочарований, ужасов, страданий и трагизма.

Постоянно призывать других к морали, подчеркивая собственную нравственность, – удел аморальных личностей. Чем больше выступления политических и церковных чиновников пронизаны манипулятивностью, тем более в них доминирует тема морали. Посредством СМИ мы постоянно убеждаемся, что только официальная церковь перевыполняет «нормы ГТО» по нравственности.

Состояние «религиозного утешения» при жизни, идея вечного блаженства после смерти на фоне опыта постоянного страдания осуществляются в рамках компенсаторной проекции в отношении образа Бога, идеи Царства Божьего (в которое войдут только «бедные»). На фоне тотальности смерти человек обречен на веру в бессмертие. Усиление фрустрации, отсутствие вознаграждения обостряет кармическую установку на воздаяние свыше.

3. Фрейд в работах «Будущее одной иллюзии» и «Достоевский и отцеубийство» отмечает характерное для русского этноса стремление не вытеснять греховные, деструктивные желания, а компенсировать их проявление раскаянием, предполагающим совершение нового греха. Сделка с совестью как типичная русская черта, полагает он, заключена в слабости суперэго.

Религиозное мышление осуществляет репрессирование, вытеснение в бессознательное мыслей и стремлений, оцениваемых «божественным» суперэго в качестве греховных. Идентификация с церковью, религиозной группой, образом Бога одновременно ослабляет комплекс неполноценности, снижая уровень тревожности.

Необходимо не забывать, что все психологические защиты кроме сублимации, давая

временное и частное ослабление тревоги, в стратегической перспективе ведут к еще большей невротизации. В частности, рационализация (обоснование) необходимости принятия собственного трагичного бытия оборачивается вытеснением его неприятия и соответствующими невротами и агрессией.

Религия придает жизни проективный, «иллюзорный» смысл в условиях агрессии абсолютной бессмысленности. Во фрустрирующих ситуациях религия, не выступая фактором изменения внешних условий, проявляется в виде системы психологических защит, являясь формой капитуляции, отступления перед объективной ситуацией. В Индии (как во многом и в России) кинематограф выполняет религиозную функцию.

Российский чиновничий аппарат стеной стоит за укрепление отечественной религиозности. Положительная эволюционная функция религии та же, что у наркотика и алкоголя. И в этом смысле религия способствует выживанию и размножению человеческой популяции. Религиозные убеждения оказываются гносеологически ложными, но эволюционно полезными. Как отмечает вслед за К. Марксом и З. Фрейдом Э. Фромм, задача религии, стоящая перед политической властью, – предотвратить психологическую независимость масс людей, приводить их в состояние инфантильного послушания перед властью. Религия уподобляется им наркотику, опиуму («духовной сивухе», согласно поэтической оценке В. Ульянова-Ленина): она 1) предлагает массам удовлетворение, действуя успокаивающе и 2) выступает средством против изменения действительности. Для эксплуататорского меньшинства религия облегчает чувство вины. Для эксплуатируемого большинства дает утешение и определяет эмоциональное принятие их классового положения [6].

Согласно оценке П. Тиллиха, Фрейд выявляет психологические основания христианского искушения. В сублимированном виде либидо присутствует в высших проявлениях культуры и духовного опыта человека. Фрейд, по замечанию Тиллиха, обосновал те догадки, к которым уже давно пришло христианство в рамках традиции монашеского самоанализа. Психоанализ Фрейда носит исповедально-покаянный характер.

Он выходит за границы псевдохристианского табу на сексуальность. Фрейд «является более христианином, нежели эти табу» [2]. Церковь вначале запрещала распространение «еретических», «атеистических», «богохульных» произведений Фрейда. Спустя три десятилетия она использовала психоаналитические аргументы для обоснования христианского вероучения, и сам Фрейд был признан одним из крупнейших христианских богословов XX века.

Религия как основа «духовности» оказывается лекарством страшнее самой болезни. Невротик стремится избавиться от комплекса неполноценности посредством отождествления себя с абсолютом возможностей, престижа, что, в частности, отражается в символике Бога. И в этом смысле религиозность противоположна «воле к власти» (на чем настаивал Ницше), т. е. стремлению к развитию способностей, талантов, самоактуализации. Отчуждение – одна из ипостасей зла. Зло – один из символов отчуждения. Отчуждение – один из символов основания религиозного опыта. Отчуждение, неврозы порождают религиозность. Религия как форма проявления отчуждения и неврозов – есть «зло» и «грех». Один из атрибутов Бога – самоактуализированность личности. Не «отчуждение от Бога» порождает отчуждение человека от самого себя. Но отчуждение социальное и человека от самого себя символизируется в состоянии «отчуждения от Бога». Религиозность, проецируя несамоактуализированность личности, превращается в отсутствие «истинной веры», «святости», отождествляется с состоянием «греха». Не религия устраняет грех. Но состояние греха, то есть отчуждения, невроза порождает религиозность. Религия есть грех.

В современной России состояние отчуждения возрастает...

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 644.

2. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – С. 323–325.

3. Тимошенко А. Религия затормозила развитие США // Режим доступа: <http://www.gzt.ru/topnews/science/258008.html>.

4. Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные обряды // Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: Воронеж, 2000.

5. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки бо-

гов. – М.: Политиздат, 1989.

6. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – С. 357.

7. Хорни К. Ваши внутренние конфликты. – М.: Лань, 1997. – С. 90.

8. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философии. – М.: «Медиум», 1993. – С. 95.

9. Boyer P. Being human: Religion: Bound to believe? // Nature 455, (23 October 2008) // Режим доступа: <http://www.nature.com/nature/journal/v455/n7216/full/4551038a.html>.

10. Gregory Paul. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. V. 7 (3). P. 398–441.

3. Timoshenko A. Religiya zatormozila razvitie SShA // Rezhim dostupa: <http://www.gzt.ru/topnews/science/258008.html>.

4. Frejd Z. Navyazchivye dejstviya i religioznye obryady // Zigmund Frejd i psixoanaliz v Rossii. – М.: Voronezh, 2000.

5. Frejd Z. Budushhee odnoj illyuzii // Sumerki bogov. – М.: Politizdat, 1989.

6. Fromm E'. Zdorovoe obshhestvo. Dogmat o Xriste. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – С. 357.

7. Хорни К. Ваши внутренние конфликты. – М.: Лань, 1997. – С. 90.

8. Yung K.G. O psixologii vostochnyx religij i filosofij. – М.: «Medium», 1993. – С. 95.

9. Boyer P. Being human: Religion: Bound to believe? // Nature 455, (23 October 2008) // Rezhim dostupa: <http://www.nature.com/nature/journal/v455/n7216/full/4551038a.html>.

10. Gregory Paul. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. V. 7 (3). P. 398–441.

1. Nische F. Po tu storonu dobra i zla // Sochineniya v 2 t. T. 2. – М.: Mysl', 1990. – С. 644.

2. Tilly P. Izbrannoe: Teologiya kul'tury. – М.: Yurist, 1995. – С. 323–325.

UDC 316.6

THEOLOGY OF NEUROSIS

Romanov Andrey Vladimirovich,

Candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor,
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia.

Annotation

Search a psychoanalysis conceptions of the religions troughs and patterns, any actual aspects of use concepts neurosis, frustration, adaptation.

Key words:

Religion, neurosis, frustration, adaptation.
